

Юлия Венгерова

**Легенда
о сломанном
городе**

Юлия Венгерова
Легенда о сломанном городе

«Издательские решения»

Венгерова Ю.

Легенда о сломанном городе / Ю. Венгерова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932073-5

Добро пожаловать в главный город всего Магнетического мира — великий и ужасный Флагманштадт! Магии здесь так много, что она едва ли не сочится из-под земли. Этому городу не страшны ни холод, ни чума, ни наводнения, ведь его защищает Гроссмейстер — самый сильный волшебник Флагманштадта. Но хватит ли у него сил защитить любимый город, когда на него надвигается вселенское зло под маской Чумного Доктора? И что делать, если сумасшедший ученый уже решил уравнение, которое нельзя решить?

ISBN 978-5-44-932073-5

© Венгерова Ю.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. БРЕД СУМАСШЕДШЕГО	6
ЧАСТЬ 1	10
ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ	10
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	20
«ЭПОХАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ФЛАГМАНШТАДТСКОГО УЧЕНОГО	20
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	26
ГЛАВА 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Легенда о сломанном городе

Юлия Венгерова

© Юлия Венгерова, 2019

ISBN 978-5-4493-2073-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Великое Княжество Осколийское, или просто Осколия – государство на севере Европы, омываемое водами Холодного моря. Столица – город-порт Флагманштадт. На юге граничит с Российским Царством. Государственный язык русский. Осколийский русский во многом отличается от языка, на котором разговаривают жители России.

Осколия – промышленное государство. На ее территории расположены предприятия, изготавливающие локомотивы, дирижабли, сталелитейные заводы. По данным на 1875 год большинство из этих предприятий принадлежит промышленникам из Швеции, Австрии и

Франции.

Из «Учебника по географии под ред. С. Симона», изд-во «Свет науки», 1876 г.

ПРОЛОГ. БРЕД СУМАСШЕДШЕГО

Рассветало. Над серо-зеленой пустыней Холодного Моря поднималось равнодушное и безликое солнце, а с другой стороны неба уже плыли ему навстречу грязные рваные облака.

Я лежал на пустынном берегу, глазел на противное небо и не мог подняться.

Боль, постоянная спутница моей жизни, не изменяла и теперь.

Тело ныло, как если бы меня всю ночь напролет истязали и били. О, что за глупое выражение в устах человека, которого истязали и били всю жизнь!

Я должен был ликовать, плясать от счастья, поднимать к небу руки в молитвенном экстазе и славить новый день, однако же у меня совершенно не было сил на эти манипуляции.

Еще вчера я был узником самой страшной и неприступной тюрьмы, которую когда-либо придумало человечество – проклятой крепости Тармин. Сюда помещают только самых отъявленных злодеев и безнадежных преступников, которым заказана дорога в нормальное человеческое общество. Таких, как я.

Покинуть эту тюрьму можно только одним способом – бегством на тот свет.

Увы, сей вариант был для меня неприемлем.

Я наконец-то собрал свои силы в кулак и поднялся. Вдохнул кисловатый морской воздух полной грудью, так жадно, что закашлялся. Теперь мне стало казаться, что и не было этих десяти долгих лет, проведенных в крепости Тармин, что это не я заживо гнил в вонючей, пропахшей потом и дерьмом

камере, а какой-то другой человек.

Вполне возможно, что так оно и было.

Это он проводил дни и ночи в одиночестве, сходя с ума, проклиная всех на свете, изрыгая самые страшные ругательства, понося на чем свет стоит невинных охранников, которые всего лишь выполняли свою работу... О

подлые, мерзкие червяки, крысолюди в форме, гниды небесные, собаки!

Дьявольское отродье!

О нет. Это был я. Ибо отчего кровь во мне вскипает при воспоминании о моем заточении? Это был я, и я сумел удрать из этого проклятого места.

В моей голове до сих пор слышны оглушительные звуки оружейных выстрелов, пронзительные крики надсмотрщиков, их ругань и мат. И тупое, осоловелое выражение их мертвых рож. Простите, ребята! Вы не были виноваты в том, что родились людьми, а меня сотворили чудовищем.

Омерзительным, тошнотворным монстром, способным сокрушить все живое.

Творящим зло направо и налево, неутомимым и ненасытным. Я не горю в воде, не тону в огне, а медные трубы для меня что шарманка. И меня очень, очень трудно укокошить!

Мое сердце до сих пор билось с угрожающей скоростью, готовое выпрыгнуть из моей тощей груди, моя кровь до сих пор бурлила, я до сих пор задыхался от быстрого бега – хотя уже давно стоял на месте.

Не построена еще та тюрьма, что сможет удержать Феникса в своих каменных объятиях!

И вот теперь я ковылял по безлюдному берегу Холодного моря, слушая крики чаек и любясь рассветом. Какая, черт ее дери, идиллическая картинка! Настолько идиллическая, что хочется вынуть из кармана револьвер, подвергнуть геноциду всех орущих чаек, поджечь море, спалить небо и разрушить к ядрене фене весь этот дивный берег!

Итак, я плелся, а душу мои терзали нехорошие мысли. Хотелось пить, жрать и убивать невинных пастушек, если таковые попадались бы на моем пути.

Впрочем, я брел не бесцельно. Мои полторы ноги сами тащили меня в город, который уже давно назначил мне свидание.

Я не был во Флагманштадте лет двадцать, если не больше. Вряд ли за это время город как-то изменился, разве что стал еще хуже. По-прежнему там властвовал Железный Максимилиан, пугая своей бесстрастной мордой горожан, по-прежнему там заседали разжиревшие Магистры во главе с

унылым Гроссмейстером, по-прежнему упертые до неприличия снобы называли эту клоаку «столицей мировой магии». Разумеется, все так и было.

Наверняка в этом грязном и вонючем городе строились новые бордели, опиумные приюты и кафе-шантаны, где полуголые девки танцевали канкан.

Наверняка – ибо зачем огромному городу школы, университеты и библиотеки? В Южном городе предавались разврату, как и прежде, а в Северном Городе трудолюбивые пчелки-работчие, не покладая рук и не разгибая спины, ковали спорное могущество Осколии.

И вот теперь я полз туда, в этот неугомонный и неубиваемый город, близкий мне по духу и чем-то похожий на меня – такой же уродливый монстр, лишенный морали.

Подожди меня, Флагманштадтик, подожди злобного и уродливого дядю Феникса, и вместе мы натворим таких дел, что историки будущего ахнут! Но прежде всего, дружище, мне предстоит тебя спасти. Ибо некому больше. Ты сейчас в опасности. Нет, ты, конечно, всегда в опасности, ибо стоишь на природном разломе, откуда чудовищная магия просачивается наружу. Но в этот раз над тобой зависли черные тучи.

И знаете что, дорогие мои детишечки?! Знаете что? Добру иногда приходится просить помощи у Зла. Иногда приходится.

***

В то же самое время во Флагманштадте.

Лежала на столе книга, пыльная, с пожелтевшими страницами. Страшная книга.

«И разверзлись хляби небесные, и сделалась кровь...»

И всяк побежал, не ведая дороги, не зная пощады к тем, кто оступился, безжалостно сминая их на своем пути. Кричали женщины, и плакали, и молили Господа о милости, или о скорой смерти, могущей остановить их мучения. Не услышал Бог их гневные молитвы, не сумел он ниспослать кару

небесную на головы несчастным.

День стал черным, будто ночь. Живое сделалось мертвым, белое – темным, а верх стал низом. И ангелы заплакали в небесах, ибо не в силах были помочь умирающим.

То был день великой скорби.

И сошлись двое в смертельной схватке. Один был в белом, ибо в сердце его был Свет. Другой был в черном, и черен был он сам, ибо нес с собой только разрушение и погибель.

Сошлись они там, где ни света нет, ни тьмы; там, где ни жизни нет, ни смерти, там, где ни огня нет, ни воды, ни земли, ни воздуха. И бились они не день, и не два, ибо время потеряло свою силу. Сражались они, а в городе, что остался далеко внизу, горели дома, и мятая вода заполняла жилища, и

всяк человек, и раб, и господин, спасался от неминуемой участи..

И случилось так, что воин в черном победил в этой жестокой схватке

И город, потерявший своего защитника, был разрушен.

Так закончилась история великого града Торрсона. Второго такого нет, и не будет»

Сочинение Иоганна-Пересмешника, мага-самоучки, датированное 1389 годом.

Гроссмейстер рассерженно захлопнул книгу, не найдя в ней ответа на свой вопрос.

– Эх ты, – тихо, обращаясь к самому себе, произнес Гроссмейстер. – А еще Иоганн-Пересмешник! Тебе бы бульварные романчики писать, да и только.

«И разверзлись хляби небесные, и сделалась кровь». Объяснить же, что случилось с графом Торссоном, ты так и не сумел.

Светало. Прозрачное утро с трудом пробиралось сквозь завесу смога, еле находило дорогу в просторный кабинет, где томился Гроссмейстер.

Он отложил старинный фолиант и наугад вытащил из общей кучи еще одно издание. То была солидная «Энциклопедия Обермауса и Богачева» – полное собрание сухих исторических фактов и справок.

«Древний город Торссон. Существовал с 115 по 881 годы. Являлся столицей могущественного государства под названием Магический Союз, занимавшего большую часть территории Северной и Центральной Европы.

Был разрушен в 881 году вследствие сильного землетрясения. По другой версии – сильной магической бури. Данное событие породило массу мифов и легенд. Главный миф связан с часами на городской башне. (См. статью «Городские часы Торссона»). В те годы механические часы еще не были изобретены, поэтому главные часы города работали с помощью магии. Согласно преданию, накануне дня, когда Торссон разрушился, часы остановились.»

Гроссмейстер, повинувшись настоятельной просьбе авторов энциклопедии, неизвестных ему Обермауса и Богачева, перелистал книгу и нашел страницу

«Магические часы Торссона».

«В настоящее время», – сообщали бесстрастные авторы статьи. «Только в одном городе в мире остались раритетные часы, работающие на опасной магической энергии. Это часы на городской башне Фогон, что находится в центре Флагманштадта, Осколия, на Парламентской площади.»

Гроссмейстер захлопнул пыльный фолиант и отодвинул его вглубь стола. Потом встал со своего места и медленно, поскольку все суставы одеревенели после долгого сидения в одной позе, подошел к окну.

Почему-то ему вспомнился старый детский стишок.

А из нашего окна
Башня темная видна.
А из нашего окошка —
Только Мэрия немножко.

Впрочем, как раз-таки здание Мэрии Гроссмейстер и не мог видеть – оно находилось чуть в стороне. Зато прямо по курсу, нестигаемая, как стрела, направленная в небо, стояла башня Фогон. Стояла и равнодушно таранилась на Гроссмейстера своим круглым циферблатом. Стрелки показывали без четверти девять.

Сначала Гроссмейстер не понял, в чем подвох. А потом достал из кармана своего пальто наручные часы с серебряной цепочкой и открыл их.

Пол седьмого утра, утверждали дорогие часы османской марки «Альказар».

– О мой Бог! – вслух произнес Гроссмейстер, ошарашенно глядя в лицо престарелой башне. – О мой Бог!

Магические часы на башне Фогон стояли.

ЧАСТЬ 1

ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ

«Магический Союз – крупнейшее государство Средневековой Европы. Просуществовал со II по IX века нашей эры. Включал в себя территорию современной Австро-Венгрии, Пруссии, Швеции, Осколии и ряда других государств».

Хрестоматия по истории, 9 класс.

«И, проанализировав все имеющиеся факты, подтвержденные математическими формулами, пришел я к единственно верному умозаключению.

Магия и Время взаимосвязаны.

Вне Времени и Магии не существует.

Это так же неизбежно, как то, что Солнце восходит на востоке».

Роберт Эйслер, «Основы теоретической магии», 1831 год.

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Эта история началась с начала, а закончиться ей предстояло... сами понимаете, чем, ибо все в этом мире имеет свой Финал, кроме разве что бесконечности.

Вот только что принять за точку отсчета, ту самую, с которой все события начнут разворачиваться по порядку?

С того ли момента, как в 1355 году храбрый князь Александр, прозванный впоследствии Благословенным, повелел построить на берегу Холодного моря новый город, назвав его попросту Флагманом (логическое завершение «штадт» появилось десяток лет спустя)? Нет, рано. Ибо город рос, как на

дрожжах, стремительно и быстро, и его не смущали ни чума, ни наводнения, ни пожары. И каждый раз после катастрофы неугомный Флагманштадт опять увеличивался в размерах, подобно гигантской раковой опухоли.

С того ли момента, как на болотах возникла крохотная, но самостоятельная и гордая Осколия, чьей столицей и стал Флагманштадт? Менялись правители, похожие друг на друга как две капли воды, гремели дворцовые перевороты,

по итогам которых более шустрые князья отбирали власть у менее шустрых, но Осколийское Княжество, несмотря ни на что, продолжало существовать.

Нет, опять рано.

С того ли момента, как юный подмастерье-часовщик отказался от своего прежнего имени и стал главным человеком всего магического мира? Были истории интереснее этой, но столь головокружительного взлета маги Флагманштадта не знали. Уже теплее, но нет – все равно рано.

Начнем, пожалуй, с позднего майского утра 1881 года, когда Гроссмейстер Ордена Шести Миров, известный так же, как магистр Квермонт, а в далеком прошлом – тот самый мальчишка-подмастерье, принимал у себя в кабинете

неожиданного посетителя.

Окна кабинета были наглухо зашторены, и единственным источником света, разгонявшим полумрак, был газовый рожок, сиротливо висевший на стене.

Посетитель Гроссмейстера был облачен в черное бесформенное одеяние с капюшоном, делавшее его похожим на средневекового монаха. Лицо же свое он старательно прятал, что очень сердило Квермонта.

– Меня здесь нет, – произнес посетитель. – Слышите, вы, Гроссмейстер? Меня здесь нет.

Сказавши это, он хрипло засмеялся, и смех этот был ужасен. Голос у человека в черном был надтреснутый, как у старика. По-русски он изъяснялся безупречно, настолько безупречно, что это тотчас же выдавало в нем иностранца.

– Я всего лишь в вашей голове, вы понимаете? – продолжил посетитель. – Вот ведь какая дьявольская шутка, вы не находите? Я могу быть в любом измерении, мыслимом и немислимом, в любом времени и пространстве, а

нахожусь в голове у моего же собственного коллеги из будущего! Ха-ха-ха! Воистину это жестокая ирония судьбы! Ну не молчите же, господин Квермонт, а не то я подумаю, что вы мне не рады! Заклинаю вас, ответьте мне!

– Зачем вы меня мучаете, магистр Лассе? Вы же умерли тысячу лет назад! Умерли и умерли, так покойтесь же с миром! И откуда вы, черт возьми, знаете слово «коллега»?

– Так не умер я, ваше словоблудие, не умер! Растворился во времени и пространстве, исчез – да. Но не умер, и уж тем более не упокоился.

– Сочувствую вам, гость из прошлого, – попытался было вернуть Квермонт, но ему не удалось.

– Из прошлого, настоящего и будущего, – перебил его тот, кого называли Лассе. – И не надо мне сочувствовать, ты, жалкий мальчишка!

«Надо же», – раздосадовано подумал Гроссмейстер. – «Проник в мое сознание, да еще и обзывается!»

– Я был Великим Магистром! – в полный голос произнес Лассе. – Великим, слышите! Не чета вам, нынешние недоволшебники! Я мог управлять стихиями! Я осушал моря, я передвигал горы, я поворачивал реки вспять! Я был сама волшба! А вы, вы, главный человек Магического мира, что вы умеете?!

– Реки вспять я не поворачиваю, – печально отозвался Квермонт. – Но, чует мое сердце, вы бы не справились с ежеквартальным отчетом. Времена изменились, бывший гроссмейстер.

Лассе вздохнул и наконец-то опустил капюшон, оказавшись не очень молодым человеком обыкновенной, даже заурядной наружности с бесконечно уставшими глазами. Взгляд его был полон скорби.

– Вы всего лишь моя галлюцинация, Лассе, – напомнил Квермонт. – Отчего же я так страдаю?

– Посмотрите в окно, сын часовщика. Что вы там видите?

– Башню Фогон.

– Я лично руководил строительством этой башни. Тысячу лет назад. Тогда, когда и в помине не было Осколии и Флагманштадта, а эта территория принадлежала Магическому Союзу – самому могущественному государству

Европы. Я своими глазами видел, как ставят эти часы. А теперь они сломаны. Почему не уследили, Гроссмейстер?

– Часы остановились вчера вечером, – ответил Гроссмейстер. – Я ничего не мог изменить.

Квермонт провел бессонную ночь, изучая старинные фолианты и современные энциклопедии. Он искал все сведения, что касались пресловутой башни и ее магических часов, и теперь его неумолимо клонило в сон.

– История повторяется, сир Квермонт, – прорвался сквозь дремотную пелену глас человека в капюшоне. – Падение великого города Торрсона, столицы Магического Союза, тоже началось с того, что остановились главные городские часы. Это было ровно тысячу лет назад. Время для новой жертвы

пришло. Мрачный Герцог уже в городе, неужели вы не чувствуете? Тысячу лет назад он избрал своей жертвой Торссон – и погубил его. Я сражался с ним как мог, и проиграл. Я был изгнан из своего мира, из своего времени. Я

потерял все. Пришла ваша очередь принять бой.

– Я всего лишь чиновник, – печально ответил Гроссмейстер. – Главный бюрократ всего магического мира, способный лишь на то, чтобы подписывать бумаги с гербовой печатью. Я даже не практикующий маг.

«И я очень, очень хочу спать!» – подумал Гроссмейстер, но вслух этого не сказал.

Впрочем, его тусклый собеседник вполне мог прочесть его мысли.

– И тем не менее, вам предстоит принять бой, – напомнил человек в черном.

– Так помогите мне! – взмолился Гроссмейстер. – Что толку донимать меня разговорами?!

– Не могу, – сухо ответил Лассе. – Не забывайте – меня на самом деле здесь нет. И я не желаю вам удачи. Всего плохого, Ваше Магейшество!

Сказавши это, человек в черном растворился, будто бы его и не было. Однако же Гроссмейстер был уверен, что никуда он не делся, и по-прежнему наблюдает за ним.

От этой мысли становилось не по себе.

– Айса! – позвал Гроссмейстер.

Его помощница появилась тут как тут, словно бы она поджидала под дверью.

Впрочем, вполне возможно, что так оно и было.

О, это была особенная женщина! И дело было не только в ее безупречной классической красоте. Она могла оставаться незаметной, когда хотела. Собственно, полная свобода воли – это прерогатива всех бессмертных божеств, а эта дама и была одним из них. Богиня судьбы, одна из дочерей Ночи, неумолимая мойра по имени Айса, разрезающая нить – вот кто помогал Квермонту в его нелегком деле. Когда-то давно мойра подала в

отставку, сбежала из древнегреческой мифологии и пустилась в свободное плавание.

Потом повстречала Гроссмейстера и нанялась к нему в секретари.

Словом, Айса была первым в мире бессмертным божеством, довольствовавшимся скромной должностью клерка.

Гроссмейстеру нравилось, как она работает. Его даже не смущало, что приходилось убирать все колюще-режущие предметы, такие, как ножницы и канцелярские ножи, дабы ненароком не напомнить Айсе о прежнем месте работы. Если исключить этот «пунктик», все остальное было безупречным.

– Я вас слушаю, господин.

– Когда белое делается черным, – с выражением произнес Квермонт, – когда низ станет верхом, а верх – низом...

Гроссмейстер остановился, чтобы понаблюдать за реакцией своей помощницы. Та молчала, и только таращилась на магистра своими огромными глазами. И, казалось, была ничуть не удивлена неожиданным словесам.

Впрочем, чем можно удивить бессмертное божество?

– Живые тогда начнут завидовать мертвым, – продолжил Гроссмейстер.

– И токмо Темный Отрок,

Который не жив, но и не мертв,

Который не раб, но и не господин,

Который не человек, но и не зверь,

Токмо Темный Отрок, чья душа преисподней подобна,

Восстанет из могилы и спасет город сей.

– Вы практикуетесь в изящной словесности? – поинтересовалась Айса.

– Не я написал эти строки. Это из «Сочинения Иоганна Пересмешника». Знал я этого чудака. Многие считают его пророком, но по мне так он был гениальным плутом.

– Не сильна в литературе, – ответила Айса.

– Моя дорогая ходячая мифология, – издалека зашел Гроссмейстер. – Глубокоуважаемое бессмертное божество из Древней Греции... я ничего не путаю? Милая Айса...

– Я вас слушаю, – повторила черноокая красавица.

– Тебе ведомо настоящее, прошлое и будущее. Ты разрезаешь нить судьбы, быстро, и неумолимо, как божественный хирург, не ведая скорби и не зная печали.

– Я в отставке, мой господин, – ответила мойра. – Ныне я всего лишь скромный секретарь.

– Но при этом ты не забыла, кто ты есть. Ты дитя божественной природы, не человеческой... и я порой тебя боюсь.

– Ну что вы, мой господин, – усмехнулась Айса.

– ...Ибо я прекрасно знаю, зачем ты со мной. Ты – моя персональная смерть, и однажды ты разрежешь нить моей судьбы. И закончится славная история подмастерья, сына часовщика, ставшего главным волшебником всего мира.

Ответь мне, милая Айса, только на один вопрос.

– Вопрос жизни и смерти? Не имею права, мой господин.

– Айса, ну скажи мне, не как божество, но как мой секретарь – сегодня? Мойра устремила на Гроссмейстера испепеляющий взгляд своих огромных древнегреческих глаз.

– Нет.

ГЛАВА 2

ВИРХОВ

Было несколько вещей, которые Осколия поставляла на экспорт – это магия, дирижабли и снобизм.

Жители Флагманштадта, общепризнанной столицы мировой магии, привыкли снисходительно относиться к жителям других городов, считая их людьми второго сорта. Данный снобизм был бы легко объяснить, если б осколийская столица представляла собой благоустроенный и красивый город, застроенный шедеврами архитектуры разных времен и стилей. Но увы, Флагманштадт, чье население давно перевалило за миллион, был отвратительно убогим и грязным городом с одной-единственной улицей, которой не стыдно было показать туристам – пафосно-неоготическим Новым Проспектом. Все остальные улочки этого города не могли похвастаться чистотой. Да и откуда взяться чистоте в городе, в котором публичных домов было больше, чем магазинов готового платья?! Словом, Флагман был городом дешевых мебелишек, нищих... и при этом он как-то ухитрялся сохранять статус главного магического города Европы, главным образом из-

за природного фона, чудовищно высокого.

Парадокс был в том, что, несмотря на грязь и убожество своего города, флагманштадтцы не теряли своей спеси ни при каких обстоятельствах.

Впрочем, малая толика этой спеси передалась по наследству и жителям Вирхова – второго по величине города Осколии. Этот город по праву считался младшим братом Флагмана, и надо отдать должное, был гораздо чище и опрятней своего неряшливого родственника.

Тихий и патриархальный Вирхов был знаменит своими тенистыми улочками, уютными особняками и пивоваренным заводиком, принадлежавшим датчанам. Больше ничего интересного в этом городе не было.

На одной из тихих улочек располагалась частная гимназия, где обучались мальчики из богатых семей Вирхова. Гимназия славилась триединым девизом: «Послушание, повинование, подчинение!» и строжайшей дисциплиной. И горе было тем учителям, что отказывались слушаться, повиноваться и подчиняться – ученики могли жестоко наказать

провинившегося. Школьная инквизиция работала на ура.

Господин Озеров, привыкший так же отзываться на «Иван Алексеевич» был одним из немногих учителей, которым удалось выдрессировать юных сорванцов, отчасти из-за дьявольского терпения, отчасти от безысходности. Учеников он представлял дикими зверями, классную комнату – ареной цирка, а себя – отважным артистом, готовым исполнить свой смертельный номер.

Вот и сегодня он в сотый раз взошел на авансцену и грудью встал на защиту исторической науки от мракобесия.

Считал ли он себя хорошим учителем? Наверное, нет. Хороший учитель наверняка любил бы своих учеников, несмотря ни на что. Озеров же всегда относился к ним с опаской.

В конце концов, напомнил он себе, они всего лишь милые дети. Проблема была лишь в том, что эти милые дети слишком часто задавались вопросами типа «А что будет с учителем химии, если его поджечь?», или «С каким ускорением полетит новый преподаватель физики, если спустить его с

лестницы?» и прочими в том же духе.

– А вы часто бываете во Флагманштадте? – спросил рыжий ушастый ученик с первой парты.

Этот рыжий, кстати, был младшим сыном внучатого племянника двоюродного дяди бургомистра, так что с ним надо было держаться осторожней.

– Да, – сухо ответил Иван Алексеевич.

– А расскажите! – едва ли не хором попросили ребята. – Расскажите!

Иван Алексеевич слегка помялся, пытаясь сообразить, о каком из аспектов жизни огромного города можно рассказывать при детях и решил, что, пожалуй, нет таких.

– Любите свой город, ребята, – выкрутился Озеров. – Пусть у нас и не столица, зато место для проживания вполне приемлемое.

Тут Озеров достал из кармана часы на цепочке и незаметно от детей раскрыл их.

– А как мои юные философы относятся к тому, что их сегодня отпустят пораньше? – предложил Озеров, захлопывая часы.

– Ура! – завопил стройный детский хор под управлением рябого и ушастого Павлика, чей звонкий фальцет явно выделялся на фоне других голосов.

– Хорошо, собирайтесь, только тише!

Сорванцов не пришлось долго упрашивать. Они тут же похватили свои тетради и письменные принадлежности. И начали равномерно утекать из класса. Не прошло и минуты, как огромный кабинет опустел.

Иван Алексеевич поднялся со своего места, неторопливо снял с крючка пальто и не спеша оделся. Потом еще раз проверил билеты, что лежали в правом кармане. Все было на месте.

**ЭКСПРЕСС ВИРХОВ-ФЛАГМАНШТАДТ
ОТПРАВЛЕНИЕ В 14.00
ПРИБЫТИЕ НА СЕВЕРНЫЙ ВОКЗАЛ – 16.00
ПОЕЗД ПРОСЛЕДУЕТ БЕЗ ОСТАНОВОК**

Интересно, подумалось Озерову, что бы сказали ученики, если бы узнали, что он прямо сейчас едет в столицу? Наверно, попросили взять его с собой.

Нет уж, ни за что, сказал сам себе Иван Алексеевич. Никогда не взял бы на себя такой грех. В мире и так достаточно зла, так пусть они познакомятся с ним сами, без участия учителя.

Хотя, с другой стороны, все эти мальчишки были из богатых семей, так что они, скорее всего, будут со злом заодно.

Проходя по коридору, Озеров ненадолго остановился перед огромным зеркалом и отразился в виде худощавого человека в черном пальто, пиджаке с белоснежной накрахмаленной рубашке, брюках со стрелками и новеньких ботинках, начищенных до блеска. Вся одежда была безукоризненного покроя и дорого стоила. Ивану Алексеевичу, с его скромным жалованьем в триста осколийских рублей, приходилось во многом себе отказывать, чтобы выглядеть безупречно. Впрочем, Озеров был уверен, что учитель всегда должен выглядеть так, чтобы ни у одного из учеников не возникало даже мысли поджечь его или сбросить с лестницы.

Он поправил пенсне и надел модную шляпу-котелок, которую до этого держал в руке.

ГЛАВА 3

МЭР

Гроссмейстер был один в своем кабинете, абсолютно один. Даже верная Айса куда-то отлучилась... Видимо, по своим важным мифологическим делам.

Квермонт подошел к окну и резко отдернул шторы, отчего в кабинет неудержимо полился терпкий дневной свет. Первым делом Гроссмейстер увидел величественный силуэт башни Фогон с конусообразным шпилем, готовым вот-вот проткнуть облака, гигантский циферблат с мертвыми стрелками. Потом он перевел свой взгляд чуть левее, и долго смотрел на величественное здание Сената, мрачное и немного громоздкое.

Этот город не может просто так погибнуть, подумал Гроссмейстер. Разве я, родившийся полвека назад и видевший, как зарождается каменный зверь, я могу допустить это?

Флагманштадт пережил несколько магических бурь, эпидемии оспы, чумы и сифилиса, сумасшедшего бургомистра Вагнера – неужели он не переживет пришествие Мрачного Герцога?

Великий град Торссон не пережил.

Из окна не было видно приземистое здание Мэрии, но Квермонт точно знал, что оно примостилось рядом с Сенатом, и там, в своем кабинете на первом этаже заседает мэр Флагманштадта, получивший в народе прозвище Железный Максимилиан.

Пожалуй, подумал Гроссмейстер, если с городом что-то случится, Дагаев меня убьет. Если, конечно, сам останется в живых.

Квермонт, подумавши это, решил, что стоит навестить господина мэра и поторопился покинуть здание Магического Совета.

Первым делом Гроссмейстер глянул на небо.

– О мой Бог, – только и произнес.

По признакам это была самая настоящая магическая буря.

Небо над городом было затянуто лохматыми, похожими на гигантских черных псов, тучами. И да, эти грозовые тучи не были даже синими, они были именно что черными, и сквозь них еле-еле пробирался болезненный солнечный свет.

Пахло гарью и копотью, как в паровозном депо. А над землей висел густой едкий дым, отчего было трудно дышать, и не видно было ни зги на расстоянии вытянутой руки.

Гроссмейстер закашлялся.

Площадь была усеяна самым разнообразным народом. Попадались скрюченные сифилитики с провалившимися носами, прокаженные, клерки с Нового проспекта, торгаши и мошенники, словом, вся та разномастная толпа, что составляет облик любого города. Флагманштадт взбаламутился, и со дна его поднялись самые отбросы: бродяги, попрошайки, калеки, опиумные

наркоманы с остекленевшими глазами. И уличные певцы. Гроссмейстер ненавидел эту когорту, а их музыка неизменно вызывала у него раздражение.

Вот и сейчас бедный музыкант, вооруженный каким-то непонятным приспособлением с шестью струнами, отчаянно завывал.

Отчего так в Осколии сосны шумят

Отчего так уныло шарманка рыдааает!

Гроссмейстер поспешил прочь, так и не услышал ответ на вопрос, которым задавался неведомый автор песни.

Магия в большой концентрации имеет цвет. Вот и сейчас дома, силуэты людей и фонарные столбы подсвечивались желтым.

А еще большая концентрация магического излучения влияет на сознание людей. В особенности не обладающих способностями волшебника.

Люди, сами того не осознавая, творят необдуманные поступки, подчас носящие хаотичный характер.

Попадались и механические чистильщики, ожесточенно работавшие щетками. Они крутились вокруг Квермонта, подобно неведомым трудолюбивым насекомым, издавали деловитое жужжание, и отчаянно норовили попасть под ноги.

Любопытно. На них тоже действует магия?

Квермонт зашел в здание Мэрии, минуя форпост из охранников, благо статус позволял быть вхожим во все учреждения города, и решительно зашагал по узкому коридору, минуя одинаковые двери с латунными табличками.

Впрочем, возле двери, на которой было выгравировано «М. Дагаев», Гроссмейстер остановился. Ниже была еще одна табличка: «Представителям профсоюзов просьба не беспокоить». Не потрудившись даже постучаться, он

дернул золоченую руку и отворил дверь.

Мэр стоял возле открытого окна и курил сигару, выпуская на свет божий клубы серого дыма. Он был похож на замысловатый механизм на паровом ходу, на хитро спроектированную машину, суровую, жестокую и неумолимую, но никак не на человека. Определенно.

– А я вас ждал, – вместо приветствия произнес хозяин кабинета.

Максимилиан Дагаев был бессменным мэром Флагманштадта с 1775 года. Он сменил на посту того самого сумасшедшего бургомистра Вагнера, и с тех пор город не знал иных начальников.

– Я знаю, Максимилиан Андреевич, – сухо ответил Гроссмейстер, снизу вверх смотря на мэра.

Дагаев был огромного роста, худым и нескладным, как палка с набалдашником, а черты лица его отличались резкостью и прямолинейностью. Ни в фигуре мэра, ни в его лице не было ни одной плавной линии, все сплошь прямые. При этом он был вычурно одет, как будто на дворе все еще было прошлое столетие. Фиолетовому сюртуку, в который был облачен мэр, позавидовал бы любой модник восемнадцатого века.

Дагаев был прям и резок, как стрела, запущенная в цель.

– Может, вы объясните мне, что происходит? – вежливо попросил мэр. – Вы присаживайтесь, Ваше Магейшество. Разговор обещает быть трудным.

Дагаев уселся в свое кресло, и процесс этого усаживания был долгим. Он сложился медленно и осторожно, подобно телескопической трости, как будто боялся, что повредит одну из важных деталей своего механизма.

– Часы остановились, – напомнил Гроссмейстер. – На город надвигается сильнейшая магическая буря. Я надеюсь, Максимилиан, ты построил себе бункер, чтобы спрятаться?

– Так может, стоит эвакуировать жителей? – предложил мэр.

– А в твоём бункере хватит места для всех? – съязвил Гроссмейстер.

Дагаев гневно нахмурил брови, но промолчал.

– Это создаст еще большую панику. Надо сохранять спокойствие, – сухо ответил Квермонт.

– Я уже объявил Комендантский час, – сообщил мэр, и впервые на его металлическом лице появилось что-то, похожее на эмоцию.

Он почти что улыбался. Он почти что ликовал.

– Комендантский час? – спросил Гроссмейстер. – Ты давно об этом мечтал, Железный Максимилиан. Наконец-то появился достойный повод, не правда ли?

Гроссмейстер вздохнул, собрался с силами и продолжил.

– Комендантский час усилит панику. Отмени его.

– Нет.

– Отмени, или я пушу слух, что Конец Света – твоих рук дело.

– О, не утруждайтесь, Ваше Магейшество. Убежден – горожане и без того в этом уверены.

Дагаев выдвинул ящик стола и вытащил оттуда еще одну сигару.

Неторопливо закурил, продолжая оценивающим взглядом смотреть на Гроссмейстера.

Сигару он держал в правой руке. На левой же руке он всегда носил черную перчатку.

Квермонта искренне удивляло, что мог так тщательно скрывать мэра. Легкомысленную татуировку

в виде бабочки? Ожог? Увечье?

Вряд ли кто-то мог знать ответ на этот вопрос.

– Когда я занял свой пост, в городе была эпидемия чумы, – чуть поморщившись, произнес мэра, – от которой умерла половина населения.

– Что ж, теперь на смену чуме пришли опиум, кокаин и венерические заболевания, – парировал Гроссмейстер. – Так что процент смертности остался примерно тот же. И, кстати, Максимилиан, не говори мне о чуме. Я помню такие эпидемии, при которых город был усеян трупами. Я сам их собирал.

– Ну, нынешние трупы, если разбудить их от опиумного сна, вполне способны добраться до дома, – ответил Дагаев. – Так что да здравствует прогресс!

Максимилиан потушил сигару, поднялся со своего кресла и подошел к окну, громадный, мрачный и бесстрастный, как чугунное изваяние.

– Я стал мэром, когда модники еще носили напудренные парики, – задумчиво произнес Дагаев. – И не уйду со своей должности, даже когда женщины начнут носить брюки!

– Только через мой труп, – буркнул Гроссмейстер.

– Что, простите?

– Только через мой труп! – громче произнес Квермонт. – Я не допущу, чтобы в моем мире дамы носили брюки!

– Я вас понял, – рассмеялся мэра. – Не забывайте, Великий магистр – я ум, честь и совесть Флагманштадта!

«О Боже, он и вправду так думает?» – подумал Квермонт. «Эта железная машина и вправду считает, что...»

– Я всегда знал, Максимилиан, что у Флагмана нет ни ума, ни чести, ни совести.

Дагаев не стал отвечать. Какое-то время он молчал, стоя вполоборота к Гроссмейстеру, и задумчиво смотрел в окно, на беснующуюся Парламентскую площадь.

– Кстати, – наконец-то произнес Дагаев. – Намедни я получил телеграмму с острова Гармин. Вы знаете, что заключенный тринадцать ноль один сбежал?

– Как?! – изумился Гроссмейстер. – Это же невозможно!

Мэра повернулся лицом к гроссмейстеру и устремил на него свой испепеляющий взгляд. Этого взгляда боялись во Флагманштадте до дрожи.

– Оказалось, что возможно. Такое ощущение, будто тьма со всего мира стекается, чтобы уничтожить этот город. Вам не кажется?

– Мне пора идти, Максимилиан, – ответил Гроссмейстер, поспешно поднимаясь со своего места. – А на будущее учти: я знаю о тьме гораздо больше твоего.

ГЛАВА 4

ПРОФЕССОР ШТАЙН

«ЭПОХАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ФЛАГМАНШТАДТСКОГО УЧЕНОГО

Казалось бы, всего лишь две недели прошло с того момента, как было совершено уникальное открытие, разом перевернувшее все представления о теоретической магии, а весь научный мир уже успел расколоться на два лагеря. Одни по-прежнему пытаются найти ошибку в вычислениях, считая

все случившееся не более, чем профанацией. Другие же всецело поддерживают гениального ученого, сумевшего совершить невозможное.

Одни считают г-на Штайна грандиозным шарлатаном и мистификатором от науки; другие же поклоняются его бесспорному таланту, сумевшему сотворить настоящее чудо. И, наконец, одни пытаются всячески очернить светлое имя ученого, другие же возносят ему хвалу.

Для тех, кто несведущ в вопросах магии и науки, поясняем. Доктор Я. С. Штайн является крупнейшим в Осколии специалистом по теоретической магии. Теоретическая магия – это сложная научная дисциплина, включающая в себе такие отрасли, как математическая магия, теория синтеза, магическая инженерия, и так далее. Все эти отрасли, как считают ученые, давно пора считать отдельными научными дисциплинами. Уравнение Эйслера-Боткина было выведено в 1810х – 20гг тандемом величайших ученых своего времени

– Робертом Эйслером и Филлипом Боткиным. До сего времени считалось, что оно не имеет решение. Однако же пару недель назад в печати появился труд Я.И.Штайна, в котором он продемонстрировал решение данного уравнения.

Это событие произвело настоящий фурор в магическом мире».

ГАЗЕТА «Мой Флагманштадт», рубрика «Коротко о науке»

Штайн отложил газету в сторону. Так непривычно было читать про себя. Да не в научном журнале, предназначенном для экспертов, а в обычной газете, которую может прочесть всякий желающий. Будто бы он не ученым был, а каким-нибудь артистом мюзик-холла, или знаменитым оперным певцом, или, в крайнем случае, политиком.

«Вот она, слава», – подумал ученый. «Надо бы, пожалуй, сохранить эту газету. И жене потом показать. Пусть гордится».

Подумавши это, он поспешил убрать номер «Моего Флагманштадта» в ящик письменного стола, в аккурат между учебником по дискретной магии и методическим пособием по единой теории синтеза. Авторами обеих книг был

сам ученый. Ему было чем гордиться.

Яков Семенович Штайн был, пожалуй, типичным флагманштадтцем. Он, как и все, ненавидел Железного Максимилиана, опасался гнета со стороны правительства и твердо был убежден, что «раньше все было по-другому». Он

совершал покупки в бакалейной лавке, на работу ездил на omnibusе, и раз в месяц посещал с супругой представления на сцене мюзик-холла «Дирижабль-Арена». Так делало подавляющее большинство жителей столицы.

Правда, Штайн был в сто раз умнее любого горожанина, и ученая степень была не единственным тому подтверждением. Он был скромн, рассеян, как и большинство людей, имею-

щих склонность к науке, и временами боязлив, как и большинство людей, имеющих отношение к Осколии.

Еще совсем недавно Яков Семенович преподавал теоретическую магию студентам. Но, с тех пор, как в университете закрыли магический факультет, пришлось заняться исключительно научной работой.

Штайн был весьма обеспокоен тем, что руководство университета могло прекратить финансирование научных изысканий, и он остался бы без средств к существованию. Впрочем, недавние события, связанные с решением

уравнения Эйслера-Боткина, вселяли надежду. В мгновение ока ученый, сумевший доказать недоказуемое, сделался знаменитым. Ему прибавили жалованье, выделили новенькую лабораторию и троих смысленных помощников, и вывесили его портрет на доске почета. Впрочем, на сие изображение моментально появилась карикатура. В университетском

самиздатовском журнале поместили забавный рисунок, на котором доктор Штайн был изображен с вытаращенными глазами и высунутым языком, снабженный ехидной подписью «Я научу вас делить на ноль!»

И вот сегодня Яков Семенович сидел в своей лаборатории за письменным столом, и в очередной раз производил вычисления, по итогам которых он проснулся знаменитым.

На столе стояла забытая чашка с чаем, которую пора было вести на кафедру биологии, поскольку в ней уже зародилась абсолютно новая, возможно, разумная, форма жизни.

Штайн в сотый раз перепроверил свои вычисления. Нет, ошибки быть не могло. Он и в самом деле сумел решить проклятое уравнение.

Да, Яков Семенович был и вправду рассеян. Из-за этого с ним частенько случались различные казусы. Как-то раз он перепутал номер омнибуса, и уехал в другой конец города. Однажды он забыл собственный адрес.

Частенько он забывал, что у него есть жена, но, вполне возможно, это было не из-за рассеянности, а из-за своеобразия самой госпожи Штайн.

Когда ученый погружался в работу, он не замечал ничего вокруг. Однажды он целый день просидел в бумажном колпаке с надписью «Я дурак», пока сердобольная ассистентка не жалилась над ним.

Увлечшись, он и не заметил, что над душой стоит лаборант Николенька, и что-то старательно ему втолковывает.

– ...не пускают, – сообщил лаборант. – И подземку закрыли для пассажиров.

– Что, прости? – опомнился доктор Штайн.

– Яков Семенович, я говорил, что мне пора домой. Мэр объявил в городе Чрезвычайное Положение. На сегодня от работы освобождены все государственные учреждения, не работают подземка и городские омнибусы.

– Опять я все пропустил! – сердито буркнул Штайн. – Какое чрезвычайное положение? Что стряслось-то?

– Ожидается Природный Катаклизм! – деловито сообщил Николенька. – Объявлено штормовое предупреждение. На город надвигается мощная магическая буря. Горожанам предписано сидеть по домам и сохранять спокойствие.

– Ты можешь идти, если нужно, – ответил Штайн. – Я же предпочитаю сохранять спокойствие в своей лаборатории.

– Яков Семенович, – встревоженно ответил лаборант. – Я бы на вашем месте тоже поторопился домой.

– Эх, Николенька, – полным тоски голосом ответил Штайн. – Ты мою Сару видел?

– Ее гарредотипное изображение стоит на вашем столе, – радостно сообщил Коля.

– И? – поинтересовался Яков Семенович. – Ты уверен, что мне хочется идти домой? И, прошу заменить, этот портрет был изготовлен мастером Курвуазье пять лет назад. Нынешняя физиономия моей жены не поместилась бы на серебряную пластинку такого формата.

– Сочувствую, – ответил Коля. – Если хотите, можем ко мне поехать. Я, правда, живу в дешевых мебелированных квартирах недалеко от Флюгерной улицы, и мой сосед каждый вечер напивается абсента и начинает пикировать на скрипке, или читать стихи собственного сочинения, и я не знаю, что из этого хуже, потому что к звукам скрипки еще как-то можно привыкнуть, а строчки его стихов разъедают мозг, как бергиева кислота... Но у меня есть чай! А что еще нужно, когда на город надвигается стихия?

– Нет, спасибо. Я останусь здесь, – самоотверженно ответил доктор Штайн.

– Как скажете, – ответил Коля и решительно выскользнул за дверь.

Впрочем, мгновение спустя он вернулся.

– Яков Семенович, а у вас не найдется двадцати рублей на извозчика? А то омнибусы не работают, а мне домой надо.

– Посмотри в кармане моего пальто, – порекомендовал Штайн.

Николенька в ответ лишь деловито угукнул.

ГЛАВА 5

ЧОКНУТЫЙ ПИРАТ

Перед тем, как поехать на вокзал, Озеров зашел в универсальный магазин, что на улице Эдельвейсов, и купил подарки своим дочерям. Старшей, Вареньке, он выбрал большую фарфоровую куклу с огромными синими

глазами и дивными волосами золотистого цвета. Младшей, Анечке, он купил огромного плюшевого медведя. Немного подумав, Иван Алексеевич решил прикупить презент и для супруги – флакон дорогих английских духов. Вчера

как раз выдали жалованье, так что можно было себе позволить.

С двумя огромными пакетами Озеров и вышел на улицу. Поняв, что пешком до Флагманштадтского вокзала он не доберется, поймал извозчика и за десять рублей добрался до цели.

Экспресс «Вирхов-Флагманштадт» уже ждал пассажиров на третьем пути.

Скормив билеты кондуктору, Озеров зашел в душный вагон, пропахший коктейлем чужих ароматов, и уселся на свободное место у окна, посадив громоздкие пакеты рядом с собой.

Он ехал в столицу, чтобы повидать своих дочерей. Официально разводы в Осколиии были разрешены, хотя и не одобрялись общественной моралью.

Впрочем, формально Озеров до сих пор был женат, поскольку статус разведенного мужчины не позволил бы ему работать в гимназии. Однако с женой вот уже десять лет он жил раздельно.

Причиной было то, что Августа ему изменила, а он так и не смог простить. И даже не просто изменила – она попросту удрала с заезжим фокусником из мюзик-холла «Дирижабль-Арена», оставив двух дочерей на попечение отца.

Впрочем, месяц спустя ветреная жена вернулась и начала слезно молить прощения. Озеров ее не принял. Бывшие супруги стали жить отдельно.

Дочки, как это положено по закону, остались с матерью. Но каждую пятницу Иван Алексеевич приезжал к ним, дарил дорогие подарки, и все выходные проводил с ними.

Эта пятница не стала исключением.

Озеров предвкушал долгожданную встречу. Под размеренный стук колес так хорошо думалось и мечталось, а под конец Иван Алексеевич даже задремал.

Ему приснились Варя и Аня, но почему-то уже взрослые, причем старшенькая была в платье невесты. И только он успел спохватиться, а где жених, как резкий визг тормозов разбудил его.

Поезд отчего-то остановился. Озеров глянул в окно, где на долгие километры простирался безрадостный пейзаж. Природа Осколиии не отличался красотой и разнообразием. Сплошные болота, болота, болота...

В эту минуту в вагон зашел начальник поезда в ярко-синем кителе и форменной фуражке красного цвета – это были отличительные цвета осколийских железнодорожников.

На него тут же обрушился шквал вопросов от перепуганных пассажиров.

– Что случилось?

– Авария?

– Как долго мы будем стоять?

Начальник вздохнул и сделал предупреждающий жест рукой.

– Дамы и господа! – решительно воскликнул железнодорожник, когда гомон в салоне поутих. – Приносим свои искренние извинения по поводу

неожиданной остановки, связанной с техническими...

Тут начальник еще раз вздохнул и продолжил уже по-человечески:

– Во Флагманштадт пока не пускают. Поезда стоят на подступах к городу.

Как только дадут разрешение, мы тут же поедем.

С этими словами он приоткрыл тяжелую дверь и мгновенно скрылся в следующем вагоне.

Как только он ушел, шум и гам стал нестерпимым. Пассажиры начали выдвигать самые нелепые догадки относительно остановки поезда.

Озеров же отвернулся к окну, пытаясь не слушать вздорные разговоры.

Начальник поезда вернулся минут через двадцать, и вид у него был весьма встревоженным.

– Господа пассажиры! – торопливо произнес он. – В ближайшие три-четыре часа состав точно не поедет. В город по-прежнему не пускают.

– А нам-то что делать? Взлетать? – сварливо поинтересовалась дородная госпожа с крохотной собачкой под мышкой и аж покраснела от негодования.

– Ох, – ответил замученный железнодорожник. – Если хоть чуть-чуть продвинемся, можно будет пустить локомотив по резервной ветке через Алсет. В результате во Флагманштадт мы заедем не с Северного Вокзала, а с промежуточной станции. Времени это займет много, но...

– Давайте еще через Россию поедем! – парировала госпожа, чем вызвала взрыв смеха.

Начальник поезда поспешил улизнуть от греха подальше.

Нет, подумал Озеров. Так дело не пойдет. Он поспешил за начальником поезда.

– Простите! – дергая железнодорожника за синий рукав, спросил Иван Алексеевич. – А каких-нибудь иных способов добраться до столицы нет?

– Тут рядом пролегает большой тракт, – объяснил человеческий начальник. – Можете сойти с поезда, только осторожно, и попробовать поймать телегу, следующую в город.

– Хорошо! – обрадовался Озеров. – Я так и сделаю.

Он вернулся в свой вагон, забрал пакеты с подарками и сошел с поезда, благо, все двери были открыты. Правда, спускаясь с насыпи, он чуть было не полетел вниз, но вовремя удержался.

На всякий случай он решил проверить содержимое пакетов. Кукла и плюшевый медведь были на месте, а вот флакон духов исчез. Очевидно, кто-то из пассажиров успел его умыкнуть, пока Озеров ловил начальника поезда.

До тракта было с полкилометра, но непривычный к пешим прогулкам Озеров даже немного подустал. Впрочем, дойдя до цели, он понял, что ничем ему тут не помогут. Дорога была забита телегами, колясками и экипажами. В

столицу не пускали не только железнодорожный транспорт.

– Да что же там стряслось, черт побери! – ругнулся Иван Алексеевич.

Эврика! Если по земле в столицу не пускают, значит, можно добраться по воздуху.

Озеров знал, что неподалеку есть частная станция, где можно арендовать аэростат. На это бы ушло все жалованье, но Иван Алексеевич не мог не повидаться с дочерьми.

Путь до станции занял не менее часа, к тому же зарядил мелкий и противный дождь, так что под конец Иван Алексеевич совершенно измучился.

Впрочем, все его страдания оказались напрасными. Развеселый механик в кожаной тужурке, делавшей его похожим на копченую селедку, сообщил, что все аэростаты находятся в воздухе.

Совершенно удрученный Озеров поспешил убраться восвояси.

Он решительно затопал по бездорожью, волоча за собой объемистые пакеты, как вдруг услышал позади себя оглушительное «Фьють!» Он остановился, то

ли от неожиданности, то ли от того, что решил, что это «Фьють!» относится к нему, и обернулся.

– Вам аэростат нужен? – обратились к Озерову.

Иван Алексеевич от неожиданности разинул рот.

– Здравствуйте! – только и смог сказать он.

Перед ним стоял незнакомый человек, при одном взгляде на которого захотелось перекреститься и зашептать «Отче наш». Сказать, что этот экземпляр был странным – это значило ничего не сказать. Он явно прибыл сюда с какой-то другой планеты. Возможно, свалился с луны.

Возраста он был неопределенного. С равным успехом он выглядел и на тридцать, и на сорок, и на пятьдесят. Лицо его, наверно, и в лучшие годы не отличалось привлекательностью, теперь же его уродовала сеть мелких шрамов. А еще у незнакомца были разные глаза – правый был желтый, а

левый – ярко-зеленый. Смотрел он исподлобья, предпочитая хмурить кустистые брови.

Одет он был весьма неопрятно. Его брюки и рубашка были потрепанными, засаленными и явно не знали, что такое стирка. Поверх рубашки был надет кожаный жилет весь в заклепках, чей первоначальный цвет было невозможно

угадать. А патлатую голову незнакомца – и это было вишенкой на тортике! – венчал цилиндр, весь порыжелый от времени, и грозящий рассыпаться в прах прямо на голове своего хозяина.

Словом, незнакомец был похож на бродягу, но весьма довольного жизнью бродягу.

– Да, мне нужен аэростат, – промямлил наконец Озеров, продолжая осматривать странного типа.

Одеждой его странности не заканчивались. Незнакомый экземпляр был калекой – штанина на левой ноге была подвернута, обнажая искусно сделанный протез.

– Я Феникс! – гордо отрекомендовался тип, протягивая Озерову свою руку.

– Я Иван Алексеевич, – представился тот. – Озеров Иван Алексеевич, школьный учитель.

Этот Феникс с его немывыми волосами, разными глазами и столь заметным увечьем был невероятно, просто неопишимо безобразен. Складывалось впечатление, что его где-то сломали, а потом собрали по частям, причем неправильно. А его манера одеваться была вдохновлена огородным пугалом.

– И куда же вы собрались, школьный учитель? – насмешливо поинтересовался Феникс.

Иван Алексеевич готов был поклясться, что тот подмигнул ему своим желтым глазом. Впрочем, вполне возможно, что у безобразного человека просто был нервный тик.

– Во Флагманштадт, – обреченно ответил Озеров. – А наземным транспортом туда не пускают.

– О как! – отреагировал Феникс. – Значит, майн херц, вам со мной по пути.

Пойдемте!

И Озеров от безысходности поплелся за этим странным Фениксом.

ГЛАВА 6

ЯКОВ ШТАЙН СЕРДИТСЯ

Напуганный лаборант ушел, унеся с собой заветную двадцатку.

Штайн остался в гордом одиночестве, если, конечно, не брать во внимание колонию разумных бактерий в его чашке с чаем. Можно было в тысячный раз перепроверить свои вычисления, и в тысячный раз убедиться, что они верны.

Проклятая формула Эйлера-Боткина получила свое решение.

Штайн поднялся со своего места, потирая озябшие руки – в кабинете было так холодно, что зуб на зуб не попадал. Закрыв окно. На улице было слишком шумно. Там бесновались люди, что-то кричали, слышался женский

плач. Временами эти звуки прерывались и слышался оглушительный звон от разбитых стекол.

Ах да, Коля же говорил про Чрезвычайное Положение. Магическая буря. Оттого, наверное, все переполошились. Вот дурачье. Ну какой, скажите на милость, природный

катаклизм может произойти во Флагмане? Этот город сам по себе – один большой катаклизм. Ошибка мироздания, не иначе. Скорее всего, это очередная выдумка Железного Максимилиана. Все ему мало. Наводнил уже

город своими полицейскими, жандармами, тайными жандармами, тайными тайными жандармами, агентами, и прочими шпионами-подстрекателями. А теперь еще и Комендантский Час подавай. Как же, черт возьми, ему хочется, чтобы все живое в городе спряталось по углам!

– Пожалуй, пересажу здесь! – вслух сказал Штайн.

Он не боялся, что кто-либо его услышит. Разумные бактерии из чашки с чаем вряд ли эволюционировали до такой степени, чтобы распознавать человеческую речь.

Впрочем, усмехнулся сам себе Штайн, если эта чашка еще пару неделек постоит на столе, тамошние микроорганизмы обретут зачатки интеллекта и наймутся на работу к мэру в качестве шпионов. Чтобы успокоиться, Штайн взял с подоконника первую попавшуюся книжку и вернулся с ней за стол. Это была монография по аналитической магии его

собственного авторства. Надо было углубиться в чтение, уйти в придуманный и замысловатый мир формул и таблиц, чтобы забыть шум за окном. Там, в этом мире, все было просто и логично – следствие вытекало из причины, вслед за пунктом А шел пункт Б, и никакие форс-мажорные факторы не влияли на ход событий. В реальности же все было чересчур запутанно.

Яков Семенович дошел до параграфа «Структурный анализ магических превращений в автономной среде» и остановился. Его не так сильно беспокоило, чем в данный момент занята супруга, и он точно не собирался идти домой с целью это проверить. Но крошечный червячок тревоги нет-нет

да и подтачивал безукоризненно-логичные масла Штайна. Он, безусловно, не верил во все эти обывательские рассказы про Конец Света, однако же, как истинный мыслитель, предпочитал предусматривать все варианты. Так вот, если принять на веру тот факт, что конец света все-таки произойдет, и от огромного города останется лишь печальное, дурно пахнущее воспоминание, Якову Семеновичу очень бы хотелось в новой реальности сохранить фаршированную рыбку, которую готовила Сара. Он даже смирился с

мыслью, что для этого не мешало бы сохранить и саму Сару.

Как же все это было сложно! Штайн попробовал отвлечься от нехороших мыслей и снова погрузился в чтение. Его хватило минут на пять, зато это было полное погружение.

Штайна отвлек запах дыма. Сильный, терпкий и абсолютно настоящий.

«Какой идиот курит в кабинете?!» – рассержено подумал Штайн.

И только после он сообразил, что сидит в кабинете один.

И поднял глаза.

Возле стеллажа с книгами стояла молодая черноволосая женщина в светлом платье простого покроя. Волосы ее украшал веночек из белых роз. Она стояла, курила тонкую дамскую папироску, а в другой руке держала книжку и с

видимым вниманием ее читала.

Штайн был так заворожен прекрасным зрелищем, что в первое мгновение даже не додумался спросить, какого черта эта дама тут делает и как вообще она попала в закрытый кабинет. Он просто стоял, разинув рот, как последний дурак, и таращился на черноволосую женщину. Внезапно он вспомнил про

свою жену, и отчего-то заныло сердце.

– Простите, – молвил Штайн, когда к нему частично вернулся дар речи.

«Вот она, оборотная сторона популярности!» – подумал Яков Семенович. – «Мне говорили, что теперь ко мне будут захаживать разбитные девицы, охочие до науки. Но никто не предупредил, что они будут выглядеть так... божественно».

– Яков Семенович? – произнесла женщина и хищно улыбнулась.

Штайн в очередной раз заметил, что она была безупречно красива. Черты ее лица понравились бы любому математику, и возможно, он вывел бы идеальное уравнение, строгое и красивое. Она была хороша как по оси абсцисс, так и по оси ординат. Широкоскулое лицо было симметричным, черные глаза были большими, широко распахнутыми, а губы – в меру полными. Ничто не нарушало гармонии этого прекрасного лица.

И следует отметить, что женщина понравилась бы не только математику, но и вообще любому мужчине. Просто нормальный человек не стал бы прибегать к формулам, а просто пригласил бы эту даму на чашечку кофе.

Впрочем, Штайн не был нормальным человеком. Он был ученым.

– И вы все это изучаете? – поинтересовалась женщина, запихивая книжку в тесный ряд ей подобных. – Математическая магия, дискретная магия, экзосинтез, теория эмпирических превращений... Это же все весьма сложно, не правда ли?

– Э... – замялся Штайн. – Я умный?

Почему-то последняя фраза прозвучала как вопрос. Будто бы он спрашивал у дамы разрешения на то, чтобы быть умным.

Черноволосая женщина загадочно улыбнулась.

ГЛАВА 7

МРАЧНЫЙ ГЕРЦОГ

Гроссмейстер поспешил покинуть негостеприимное здание Мэри.

Он вышел на площадь, и его поразило, что за какие-то полтора часа она совершенно опустела, словно бы вымерла. Исчезли встревоженные прохожие и мальчишки с газетами, удрали попрошайки, и даже постовые жандармы куда-то скрылись.

Остались только механические чистильщики, по-прежнему сноровисто орудовавшие щетками. Их монотонное «вжик-вжик» раздражало Гроссмейстера. Ему невольно пришла в голову мысль, что, случись и вправду Концу Света, они так и будут деловито ездить по разрушенному городу и бессмысленно вжиквжикать, пока не кончится завод.

А ведь Квермонт, которого всегда привлекали механизмы, когда-то сам смастерил парочку таких конструкций. Одна убиралась в здании Магического Совета, пока не свалилась с лестницы, проявив неслыханную для механизмов тягу к самоубийствам. Другая была торжественно подарена

княгине Кристине, и дальнейшая судьба была неизвестна.

Гроссмейстеру больше нравились крохотные шагающие солдатики. На досуге он изготавливал таких, используя завод от старых часов. Они потом беспорядочно шагали по его кабинету, пугая и смеша посетителей. Парочка

из них все-таки потерялась, видимо, решив обрести самостоятельную жизнь.

Мир механизмов был прост и логичен, в отличие от мира людей, который был непонятен и загадочен. Но этот мир, склонный к поломкам, вечно приходилось чинить.

Гроссмейстер пересек парламентскую площадь и свернул на Новый Проспект.

Флагманштадт издавна считался столицей мировой магии. Такого количества всякого рода волшебников, колдунов, алхимиков, наряду с плутами и шарлатанами, выдававшими себя за оных, не было ни в одном городе Европы. Подобный статус имел много плюсов, но минусов было больше.

Магический фон всегда был повышен раза в три, что приводило к тому, что большинство населения города было слегка двинутым. Да и как тут не сойти с ума, когда в течение долгих лет на тебя изливается колоссальная магическая энергия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.